

Антропологический подход в изучении Февральской революции 1917 г.: достижения и перспективы

Утверждение методологического плюрализма в отечественной историографии последних полутора десятилетий, интеграция российской исторической науки в мировое исследовательское пространство, возросший интерес к человеку в истории способствовали все более широкому внедрению в практику исторического познания антропологического подхода. Изучение человеческого измерения революционных событий 1917 г. стало одним из направлений и методов их переосмысления в отечественной историографии, опирающейся на мировой опыт в изучении данной проблематики. Человек как действующее лицо истории, социальный актор, носитель определенной политической культуры, менталитета, массовое сознание эпохи революции, поведенческие практики различных слоев населения – эти и другие проблемы антропологически ориентированной истории стали рассматриваться как ключевые для понимания феномена революционного кризиса, особенностей функционирования власти в революционную эпоху и ее взаимодействия с различными политическими и социальными силами, механизмов созреваания и протекания революционных процессов.

Благоприятным фактором в изучении данной проблематики стало снятие идеологических ограничений в использовании разнообразных по своему происхождению источников, введение в научный оборот новых источников официального и личного происхождения, включая активно вовлекаемые в исследование визуальные материалы, объединение усилий и дискуссии между отечественными и зарубежными специалистами¹.

Важным этапом в освоении антропологического подхода к изучению истории Февральской революции 1917 г. стал доклад П. В. Волобуева и В. П. Буддакова на XVIII Международном кон-

¹ См.: Реформы или революция? Россия 1861 — 1917: Мат. междуна. коллоквиума историков. — СПб., 1992; Рабочие и интеллигенция России в эпоху реформ и революций. 1861 — февраль 1917 г. — СПб., 1997; 1917 год в судьбах России и мира: Февральская революция: от новых источников к новому осмыслению. — М., 1997; Россия и Первая мировая война. Мат. междуна. науч. коллоквиума. — СПб, 1999; Figes O., Kolonitskii B. Interpreting the Russian Revolution: The Language and Symbols of 1917. — New Haven; London, 1999; и др.

грессе исторических наук 2 сентября 1995 г.¹, в котором была предложена психосоциальная интерпретация революций 1917 г., осуществляемая на основе междисциплинарного синтеза. «Демократический» Февраль, по мнению авторов, стал критической точкой 1917 г., так как «для поведения масс, не изживших патерналистских представлений о власти, наибольшее значение имел самый факт ее падения, а вовсе не присвоение ее функций кем бы то ни было. Октябрь, напротив, означал начало процесса «собирания» власти, в необходимости которой низы не сомневались. Февраль, вместе с тем, означал тот реальный успех идеи «справедливости» в социальном движении масс, который следовало без промедления «сакрализовать» на высшем уровне (хотя бы в форме Учредительного собрания)»².

С целью интеграции научных усилий отечественных и зарубежных исследователей в деле реализации новых подходов в изучении истории революций была перестроена деятельность Научного совета РАН «История революций в России»³, на основе которой началась разработка перспективного направления антропологически-ориентированных исследований «Человек и революция в XX в.», способствующего кардинальному переосмыслению истории русской революции, включая события и процессы Февральской революции 1917 г.

Изучению политической культуры, массового сознания, мировосприятия и поведения различных общественных слоев, личностного восприятия и интерпретации действительности участниками исторической драмы, поведенческих стратегий в экстремальных условиях был посвящен целый ряд научных трудов, в том числе монографий и сборников статей⁴.

Психология масс в революционную эпоху стала предметом рассмотрения в монографии В. П. Булдакова «Красная Смута». Не-

¹ Волобуев П. В., Булдаков В. П. Октябрьская революция: новые подходы к изучению // Вопр. истории. – 1996. № 5–6. – С. 29.

² Там же. – С. 31.

³ См.: Там же. – С. 28.

⁴ См.: Анатомия революции. 1917 год в России: массы, партии, власть. – СПб., 1994; Канищев В. В. Русский бунт — бессмысленный и беспощадный: Погромное движение в городах России в 1917 — 1918 гг. – Тамбов, 1995; Революция и человек: Социально-психологический аспект. – М., 1996; Менталитет и политическое развитие России. – М., 1996; Революция и человек: Быт, нравы, поведение, мораль. – М., 1997; Булдаков В. П. Красная Смута: Природа и последствия революционного насилия. – М., 1997; Рабочие и интеллигенция России в эпоху реформ и революций. 1861 — февраль 1917 г. – СПб., 1997; Чураков Д. О. Русская революция и рабочее самоуправление. 1917. – М., 1998; Нарский И. В. Жизнь в катастрофе: Будни населения Урала в 1917 — 1922 гг. – М., 2001; и др.

смотря на дискуссионный характер ряда положений и выводов, книга В. П. Булдакова вкупе с другими работами автора¹ были первой в нашей стране попыткой комплексного освещения социально-институциональной и социально-психологической сторон революционного кризиса и революционного процесса 1917 г. в их диалектическом единстве, воссоздания психологического облика основных действующих лиц событий 1917 г., проявлений и последствий революционного насилия, различных форм психопатологического и девиантного поведения масс в революционную эпоху.

Историки обратились к изучению массового сознания революционного времени, исследуя на основе исторических источников и в контексте социального поведения масс такие его аспекты, как восприятие власти и ее институтов, идей социализма, отношение к текущим политическим событиям, политическим партиям и революционным вождям, антибуржуазный компонент общественного сознания, феномен революционной жертвенности, символика революции и т. д.² Результаты и выводы вышеназванных исследований позволяют понять характер и специфику преломления в массовом сознании основных идей революции, политической пропаганды революционных партий, текущих событий, помогая тем самым выявить действующие на ментальном уровне установки и стереотипы восприятия действительности, важнейшие ценностные ориентации масс, архетипы российской политической культуры.

Одним из первых к изучению проблем массового сознания революционной эпохи обратился Г. Л. Соболев³. Существенный вклад в изучение сознания и поведения рабочих Петрограда в

¹ См.: Булдаков В. П. Имперство и российская революционность // Отеч. история. – 1997. – № 1; Он же. К изучению психологии и психопатологии революционной эпохи (методологический аспект) // Революция и человек; Он же. Истоки и последствия солдатского бунта: психология «человека с ружьем» // 1917 год в судьбах России и мира; и др. Необходимо добавить, что недавно В. П. Булдаковым была защищена докторская диссертация по теме: «Октябрьская революция. Социокультурное измерение». (См.: Отеч. история // 1999. – № 2).

² См.: Абросимова Т. А. Социалистическая идея в массовом сознании 1917 г. // Анатомия революции; Колоницкий Б. И. Антибуржуазная пропаганда и «антибуржуйское» сознание // Там же; Герасименко Г. Народ и власть (1917 год). – М., 1995; Злоказов Г. Солдатские письма с фронта в канун Октября // Своб. мысль. – 1996. – № 10; Колоницкий Б. И. «Демократия» как идентификация: к изучению политического сознания Февральской революции // 1917 год в судьбах России и мира; Попов Н. Н., Бугров Д. В. Бремя упущенных возможностей: Урал в 1917 г. – Екатеринбург, 1997; Тяжельникова В. С. «Вы жертвою пали в борьбе роковой...» (Генезис и эволюция революционной жертвенности коммунистов) // Социальная история. Ежегодник, 1998/99. – М., 1999; Колоницкий Б. И. Погоны и борьба за власть в 1917 году. – СПб., 2001; и др.

³ См.: Соболев Г. Л. Революционное сознание рабочих и солдат Петрограда в 1917 г. (Период двоевластия). – Л., 1973.

1917 г. внесла его монография, в которой указанные сюжеты раскрываются в контексте революционной борьбы рабочих, их социальной и политической активности¹. Он показал, в частности, что в предфевральский период в условиях нарастания общенационального кризиса происходила радикализация настроений рабочих столицы, высокого напряжения достигло их неприятие самодержавного режима, однако наиболее распространенной оставалась беспартийная форма революционности, при которой широкие круги рабочих «еще слабо понимали принципиальную разницу между политическими партиями», воспринимая их как союзников в борьбе против общего врага — царизма².

Влияние символических аспектов политического сознания и политической культуры россиян на ход и исход Февральской революции, ее ритуалы, язык также стали предметом специальных исследований в последние годы³. Так, Б. И. Колоницкий показывает воздействие общероссийской и городской политических традиций на восстание в Петрограде в феврале 1917 года. Он отмечает, что в дни Февраля ритуалы и символы революционного подполья широко использовались для политической мобилизации, с их помощью стихийные вспышки протеста были преобразованы в массовое политическое движение, символы подполья стали символами революции, служили прямым руководством к действию⁴. События Февраля изучаются и с точки зрения поиска истоков новой революционной праздничной культуры, также имеющей символический характер⁵.

Исследование понимания демократии и республики крестьянами, солдатами и рабочими, предпринятое рядом авторов, показало, что оно значительно отличалось от понимания этих явлений и соответствующих терминов образованными слоями и безусловно

¹ См.: Соболев Г. Л. Пролетарский авангард в 1917 году: Революционная борьба и революционное сознание рабочих Петрограда. — СПб., 1993.

² Там же. — С. 27.

³ См.: Корнаков П. К. Символика и ритуалы революции 1917 г. // Анатомия революции; Солнцева С. А. Военная символика Февральской революции // Военно-исторический журнал. — 1999. — № 5; Колоницкий Б. И. «Демократия» как идентификация: к изучению политического сознания Февральской революции // 1917 год в судьбах России и мира; Он же. Политические символы и борьба за власть в 1917 году. Автореф. дис... д-ра ист. наук. — СПб., 2002; Он же. Погоны и борьба за власть в 1917 году; и др.

⁴ Колоницкий Б. И. Политические символы и борьба за власть в 1917 году. — С. 15.

⁵ См.: Figs O., Kolonitskii B. Interpreting the Russian Revolution: The Language and Symbols of 1917. — New Haven; London, 1999; Малышева С. Ю. Советская праздничная культура в провинции: пространство, символы, исторические мифы (1917 — 1927). — Казань, 2005; и др.

влияло на развитие событий от Февраля к Октябрю 1917 г. Так, демократия отождествлялась с понятием «народ», «трудящиеся классы» и никак не ассоциировалась с парламентаризмом, была сопряжена с представлением о правомерности предоставления прав и свобод только трудящимся¹. В целом не только «верхи» и «низы», но и политические партии были носителями разных культур, говорили на разных языках, что стало культурно-исторической предпосылкой их непримиримого противоборства и взаимной нетерпимости в политической борьбе в 1917 г.²

Исследование менталитета и массового сознания низовых слоев российского общества в условиях развития революционных событий в 1917 году показало, что внешнее отрицание царской власти, антимонархические настроения не привели к качественным изменениям глубинных структур народного (крестьянского по своему происхождению) менталитета, формирующих отношение к власти. Общинный архетип крестьянского сознания и психики с его сильным авторитарным началом был чрезвычайно устойчивым, а монархическая ментальность в значительной степени сохранилась, приобретая в условиях революции иную форму выражения — потребность в авторитарном вожде, носителе харизмы, замешанной уже не на православии, а на социализме. Поэтому вряд ли можно согласиться с теми авторами, которые считают, что крестьянская ментальность претерпела в начале XX в. радикальные перемены в сфере государственно-институциональных представлений, «крестьянский менталитет стал республиканским с решительным отрицанием любой возможности единовластия (хотя бы в виде президентства), и возобладали идея прямого и непосредственного участия народа в управлении государственными и местными делами, что отвечало духу общинного менталитета крестьянства»³. Отказ крестьянства от монархической формы государства в 1917 г. нельзя, на наш взгляд, рассматривать как свидетельство превращения крестьянского менталитета в республиканский.

¹ См.: Колоницкий Б. И. «Демократия» как идентификация: к изучению политического сознания Февральской революции // 1917 год в судьбах России и мира; Figes O., Kolonitskii B. Interpreting the Russian Revolution; Поршнева О. С. Крестьяне, рабочие и солдаты России накануне и в годы Первой мировой войны. — М., 2004.

² См.: Нарский И. В. К вопросу о прошлом и будущем политической локальной истории поздней Российской империи // Горизонты локальной истории Восточной Европы в XIX — XX вв. — Челябинск, 2003. — С. 30.

³ Данилова Л. В., Данилов В. П. Крестьянская ментальность и община // Менталитет и аграрное развитие России. — М., 1997. — С. 37.

Бунтарские (погромные) формы массовых волнений в городах в условиях революции, в том числе в период Февраля, исследовал В. В. Канищев, показав, что бунтарскими вспышками часто сопровождались забастовки и демонстрации рабочих и других слоев городского населения¹. Изучение поведения революционных масс предпринято В. В. Канищевым также на основе многомерного количественного анализа системы параметров стихийно-бунтарских выступлений различных слоев населения городов в период с февраля 1917 г. по август 1918 г.² Автор пришел к выводу, что это была борьба традиционных слоев российского общества за «хлеб» и «волю» весьма примитивными расправными и захватными способами³. Особенно широкие масштабы погромное движение приобрело после Февральской революции, события которой, по мнению автора, во многом развивались по классической схеме «русского бунта»⁴.

Д. О. Чураков показывает проявления общинного менталитета в поведении рабочих в 1917 г., отпечаток крестьянских традиций трудовой демократии в деятельности органов рабочего самоуправления и представительства в 1917 г.: «От одной до двух третей рабочих с детства усвоили основные механизмы деятельности самоуправления в их общинно-артельном варианте»⁵. Общинным традициям трудовой демократии, получившим под влиянием социалистической пропаганды новое идеологическое обоснование, оказались привержены не только «отсталые», но и политически активные, «передовые» слои рабочих, что было закономерно в условиях догоняющей модернизации в стране с преобладающим крестьянским населением. Неудача широкого демократического фронта с привычными по западноевропейскому опыту элементами парламентаризма и профсоюзной культуры, по мнению автора, была обусловлена крахом идеи социального партнерства, что, в свою очередь, способствовало образованию новых форм пролетарской самоорганизации, более приспособленных не к мирным, а к чрезвычайным внешним условиям, что способствовало дальнейшей эскалации насилия⁶.

¹ См.: Канищев В. В. Русский бунт — бессмысленный и беспощадный. — С. 46–47.

² См.: Канищев В. В. Можно ли измерить параметры «русского бунта»? // Круг идей: Историческая информатика в информационном обществе. Труды VII конф. Ассоциации «История и компьютер». — М., 2001.

³ Там же. — С. 155.

⁴ Канищев В. В. Русский бунт — бессмысленный и беспощадный. — С. 51.

⁵ Чураков Д. О. Русская революция и рабочее самоуправление. 1917. — М., 1998. — С. 34.

⁶ См.: Там же. — С. 41.

В последнее время внимание исследователей все больше привлекает изучение проблем революции с позиций современных методологических направлений, возникших под влиянием исторической антропологии, которые ставят в центр исторического исследования не просто человека как представителя социальных групп и слоев, прежде всего массовых, а человеческую личность. Индивидуальные поведенческие практики и интерпретации событий, рассматриваемые в контексте социальных взаимодействий, их восприятие глазами представителей других культур (иностранцев), выяснение культурных аспектов социальных и политических процессов революции становятся предметом изучения с позиций истории повседневности, «новой культурной истории», «новой интеллектуальной истории», «новой социальной истории», «новой локальной истории» и других современных историографических направлений¹.

Особенно плодотворной для изучения человеческого измерения революционных процессов является региональная и локально-историческая перспектива. Эти подходы открывают широкие возможности для выяснения роли периферии в русской революции через изучение поведенческих стратегий людей как представителей локальных сообществ и моделей взаимодействия последних с центром². Локально-исторический и микроисторический подходы позволяют, как отмечает И. В. Нарский, «пластично реконструировать стратегии выживания локуса, будь то институт семьи, соседства, общины, прихода – значительно более многогранно, чем, например, горизонт регионального исследования. Особенно это касается таких трудноуловимых феноменов субъективной реальности, как восприятие современниками происходящих событий, циркуляция слухов, функционирование народной набожности, деформация памяти»³.

На изучении различных аспектов революций 1917 г. все более начинает сказываться общее изменение приоритетов исследова-

¹ См.: Нарский И. В. Жизнь в катастрофе; Он же. Метаморфозы пространства в российской революции (на примере Урала 1917 — 1922 гг.) // Урал в контексте российской модернизации. – Челябинск, 2005; Щербинин П. Повседневная жизнь российской провинциалки в период Первой мировой войны 1914 — 1918 гг. // Женская повседневность в России в 18 – 20 вв. – Тамбов, 2003; Сальникова А. А. «Детский» текст и детская память в эпоху катастроф // Век памяти, память века: Опыт обращения с прошлым в XX столетии. – Челябинск, 2004; Давидсон А. Б. Февраль 1917 года: политическая жизнь Петрограда глазами союзников // Новая и новейшая история. – 2007. – № 1; Листиков С. В. Восприятие русских революций 1917 г. в США: модели и образы // Отеч. история. – 2007. – № 1; и др.

² Нарский И. В. К вопросу о прошлом и будущем политической локальной истории поздней Российской империи. – С. 30.

³ Там же. – С. 31.

тельской проблематики в современных условиях: особое внимание к исторической памяти и историческому сознанию эпохи, «про-странственный» и «визуальный» повороты в изучении прошлого. Однако говорить о качественном прорыве в реализации новых исследовательских интересов пока не приходится. Хочется надеяться, что 90-летний юбилей революций 1917 г. в России станет мощным импульсом для дальнейших исследований ее «человеческого измерения».

А. Я. Криницкий

Расширение комплекса источников по истории Временного правительства первого состава в период 1987 — 1997 гг.

Современная историческая наука ведет переосмысление отечественной истории как на основе новых методологических подходов, так и на основе привлечения новых источников. В данной статье анализируется вопрос о расширении источниковой базы по истории Временного правительства первого состава, которое произошло в период 1987 — 1997 гг.

С нашей точки зрения, это десятилетие стало переломным в процессе исследования событий российской революции 1917 г. Одновременно с кризисом советской политической системы четко обозначился кризис созданной ею исторической школы, построенной на жестких идеологических основаниях. Стало очевидным, что все написанное ранее по истории революции должно быть в лучшем случае критически переосмыслено, в худшем — перечеркнуто и переписано.

Немаловажным подспорьем в процессе формирования свободного от идеологии и отвечающего реалиям изменяющегося времени взгляда на события 1917 г. стало появление так называемых «новых источников», обозначавшихся в литературе так же как «возвращенные источники», «новинки историографии», «источники, получившие вторую жизнь», «источники, бывшие в библиотеке или архиве Гулаге» и т. д.¹. Все эти термины, в сущности, являвшиеся синонимами, обозначали материалы, остававшиеся долгое

¹ См.: Корников А. А. Н. Суханов и его «Записки о революции» // Записки о революции: в 3-х т. — М., 1991. — Т. 1. — С. 42; Иоффе Г. З. Новый альманах «Русское прошлое» // Вопр. истории. — 1993. — № 1. — С. 163; и др.